

































































































































































































































































































































































































































































































































Мастер опустил руки и начал читать что-то на древнем наречии. Ни значение, ни смысл его слов не был ясен, но от него словно волной полыхнула сила, и помещение наполнилось пламенем. Это было не алое, всем знакомое с Сонного дня, пламя. Оно было белое, разбуженное до максимальной мощи. Его искры охватывали помещение, но в душе не было страха, словно становишься свидетелем древней мистерии, но не просто наблюдателем, а её частью.

Остановив речь, Мастер поднял взгляд на девушку, медленно начиная поднимать руки. По какой-то необъяснимой причине Эмриссия поняла, что ей следует повторить этот жест. В то же мгновение сила окутала её руки. Малейшее движение требовало колоссальных усилий. Так, преодолевая потоки пламени, Морзано удалось поднять руки параллельно полу, когда каждый её палец обожгло огнём. На мгновение в глазах побелело, но когда зрению вернулась чёткость, девушка увидела, что напротив каждой ладони в воздухе зависли пять камней. Пять открытых камней, поправила она себя. Сила их текла в её пальцы, скользя по венам, отзываясь на каждую мысль. Да, она сможет их различить, потому что каждый из них уникален и совершенно не похож на другой. От одной пламенной мысли камни вспыхнули и ожили, словно говоря с бушующей стихией на своём, лишь им понятном языке. Оторвавшись от созерцания камней, Эмриссия подняла взгляд на Мастера. Вид у него был безумный. Объятый белым пламенем, он снова что-то шептал и направ-

лял руками энергии этого мира. Она чувствовала, что каждое его движение воплощает в жизнь безумные потоки мощи. Он Мастер, и сейчас он в своей законной роли! Юная Морзано попыталась вслушаться в его шёпот, и бессвязные слова вдруг обрели смысл. Из глубин памяти проснулся знакомый, забытый язык, язык, на котором разговаривали лишь Великие Стражи. Язык Великого Сульфира, язык времени и вечности. Не может быть! На секунду сознание затопило воспоминаниями, словно в одно мгновение целая жизнь пронеслась у неё в голове, не оставив ничего, кроме безумного ощущения ясности и понимания, не подкреплённого ничем, кроме оттенка собственных чувств.

- Анорте, анорте, Великий Сульфир - прошептала она, не понимая смысла, но точно зная, что эти слова были последними.

В это время Мастер резко поднял руки к потолку, и следом за ним из обеих чаш выплеснулись потоки жидкого металла. Эмриссии был неизвестен его состав, но что-то внутри подсказывало, что, как и Великий Сульфир, он содержит в себе частичку материи вечности. Подняв металл, Мастер, словно волну, направил его к камням напротив ладоней юной Морзано, и в ту же секунду оба пламенных жёлоба вспыхнули, окончательно лишив трепещущую девушку возможности рассмотреть происходящее. Каким-то внутренним чувством Эмриссия видела, как металл обтекает камни, постепенно принимая форму. Как бело-синее пла-

мя желобов снова и снова высекало искры в тех местах, где должно было появиться лезвие. Это не было просто ковкой, это была работа с самим временем, с самой твердыней вечности. Здесь ничего не имело значения, кроме истинного творения и созидания.

- Я не удержу эту форму один! - слышался крик сквозь пламя. - Творить должна ты!

- Мастер, - вспомнилось на мгновение. И в ту же секунду всё встало на свои места.

Мысленное усилие, и из ладоней вылетает пламя. Яркое синее пламя, сплетаясь с белыми потоками, окружило клинки, и Эмриссия физически почувствовала, как разглаживаются все неровности, как каждый из камней сплетается с сущностью металла. Вспышка, и сила Мастера вплелась в этот поток. Свет ослепил, опалив невыносимым жаром руки и лицо. Их уже не было двое. Чьё-то присутствие вмиг наполнило комнату. Это что-то двинулось прямо к центру пламени, и через мгновение всё погасло, а клинки рухнули в жёлоб с водой.

Спустя некоторое время Эмриссии наконец-то удалось осмотреться. Сфокусировав взгляд, девушка разглядела Мастера, задумчиво стоящего над жёлобом с водой, словно безумная вспышка огня и света совсем не повлияла на него.

- Доставай, - велел он, отойдя к двери.

Медленно, словно боясь обжечься, юная Морзано придвинулась к жёлобу и опустила руки в воду. Через мгновение

ладони нащупали гладкую поверхность металла. Медленно из воды показалось творение, достойное только мечей Великих домов. Два тонких клинка, длиной не больше полуметра, впервые засияли своим истинным светом. С одной стороны оружия находилось лезвие, заканчивающееся в середине небольшой рукоятью. Клинок с противоположной стороны был выполнен в виде ромба и на его конце можно было увидеть скол всех камней, заключённых в регалию. Одна из регалий была чуть темнее, словно поглощала в себя свет, а другая, наоборот, при малейшем попадании света начинала переливаться всеми цветами радуги.

Неуверенно Эмриссия сжала рукояти обоих клинков, мгновенно ощутив потоки силы, скользящие вдоль лезвий. Однако было что-то ещё, пока чужое, незнакомое, но искреннее и открытое, готовое принять её. "Альцерн" - прозвучало у неё в мыслях, когда светлый клинок проснулся в правой руке. "Гейран" – тут же отозвался тёмный.

- Альцгейры, - чуть слышно прошептал Мастер, - жезлы равновесия, граница между вечностью и пустотой, Вирае.

Последнего слова Эмриссия уже не поняла, но от него полыхнуло таким холодом, что всё тело невольно вздрогнуло от ощущения опасности.

- Я вижу, Альцерн и Гейран уже представились, - уточнил Мастер, и Эмриссия молча кивнула. - Они пара противоположностей, создающие единый фон. Какую бы форму они ни приняли, они всегда будут оставаться двумя сторонами од-

ной медали. Ты не сможешь понимать их речь, поскольку их слог не доступен для твоего сознания, но со временем ты научишься ощущать их эмоции как часть своих собственных. Они способны увидеть намного больше, чем ты, а также имеют и свои чувства, свою боль и свою радость. Если их когда-нибудь попытаются применить против одного из своих создателей, их крик остановит любого воина.

Эмриссия молчала, жадно вслушиваясь в каждое слово. До сих пор её не покидало ощущение нереальности всего происходящего, в то же время тепло жезлов в руках говорило об обратном.

Мастер обернулся и отошёл к дальнему краю комнаты. Открыв какой-то старинный шкаф, он вытащил творение, ничуть не уступающее Альцгейрам, а скорее и превосходящее их.

- Это Бель-тен-Эр, - Мастер указал на массивный, но достаточно простой меч, - пробуждение истины. Когда-то он решил остаться со мной, с тех пор ни одно творение не избегает знакомства с ним, Королём горных вершин. Даже мечи Великих домов в своё время испытали на себе мощь его силы.

Эмриссия зачаровано смотрела на творение Мастера. Ей не нужно было сосредоточение, чтобы ощутить нерушимую силу, исходившую от этого меча. Он словно ставил печать данности, не давая даже попытаться оспорить что-либо. Заблуждавшись Бель-тен-Эром, она не заметила, как тот вы-

скользнул из ножен.

- Защищайся! - крикнул Мастер и ударил своим мечом. В последний момент юной Морзано удалось подставить Альцерн. Раздавшийся удар металла о металл эхом отразился в её голове.

- Не глупи, старые знания здесь не помогут, используй Альцгейры, - строго продолжал Мастер, не переставая атаковать.

Мудро решив, что в этот раз лучше увернуться, девушка отскочила назад и бросила взгляд на собственные регалии. Но как ими пользоваться? Рукоять клинков явно была сделана не для применения в битве, остальную же часть занимали лезвие и ромб. Обычные астраты были уравновешены и совершенно идентичны с обеих сторон, это же оружие обладало каким-то своим равновесием, и привычная Эмриссии техника обращения с астратами была неприменима.

Словно прочитав её вопрос, Мастер крикнул:

- Ты сама создала эту форму, и только ты знаешь, как ей управлять!

Ещё один удар пролетел прямо перед её носом. Если так пойдет и дальше, то живой младшей Морзано отсюда точно не выбраться.

Следующий удар Мастера пришёлся на стену в нескольких сантиметрах от неё, и на мгновение ладонь девушки разжалась, и Гейран выскользнул из рук. Ужас пронзил Эмриссию. Потеряв Гейран, у неё не оставалось шансов на выжи-

вание. Однако привычное тепло не исчезло из ладони. Опустив взгляд, Морзано поняла, что жезл завис в воздухе, удерживаемый её собственной волей за один из камней. Янтарь... Значит... Мимолётная мысль, и Альцерн также завис недалеко от правой ладони. Едва заметное движение пальцами, и Альцгейры начали вращаться вокруг центрального камня.

- Ясно, - мысленно улыбнулась Эмриссия, и следующий удар старинного клинка был встречен веером из Альцерн, сдвинувшего удар меча в сторону и освободившего место для атаки Гейран. Мастер отразил атаку, но на лице его сверкнула улыбка. Следующий удар Бель-тен-Эра намного превосходил предыдущий, и девушке пришлось приложить все усилия и оба жезла, чтобы отвести его в сторону. Её собственные атаки больше были похожи на оборону. Длины лезвия, отходящего от центрального узла, было явно недостаточно. На какой-то момент Эмриссия протянула Альцерн вперёд, но клинок, описав круг, не достиг цели. Мысленная досада, усилие, и следующий круг получился значительно больше: сила ладони сконцентрировалась на следующем камне, уходящем ближе к ромбу, так что лезвие описывало уже значительно больший радиус движения. Переходы между узлами были настолько легки, что хватало одной мысли, чтобы Альцгейр послушно переместился под ладонью. Поняв основной принцип, она продолжила битву, постепенно открывая каждый из камней. Вот обе тройки внутренних камней открылись Морзано, и стиль её битвы значитель-

но изменился. Она не касалась оружия, но совершала абсолютно непонятные пассы руками, заставляющие Альцгейры танцевать на всех шести открытых узлах. Ещё четыре узла оставались скрытыми, когда Эмриссия неожиданно изменила своей стратегии и вместо привычных вееров выбросила оба клинка вперёд лезвием. Повинуясь инерции, ладони проскочили четвёртый узел и остановились на пятом камне. Освободившаяся сила тут же хлынула в руки девушки. Одна граница потока была открыта. Этот удар уже заставил Мастера отступить на мгновение, но Бель-тен-Эр снова ринулся в атаку. Отскок, веерная прокрутка под рукой, у Эмриссии больше не осталось сомнений. Это последний удар, рука скользит по узлам, касаясь каждого по нарастанию силы, от ромба к лезвию, пятый, четвертый, третий, второй, и ... первый! Резкая вспышка осветила Альцгейры. Поток наконец-то был свободен, словно через оба клинка постоянно неслись огромные массы воды от ромба к клинку. Истинная сила. Истинные регалии. Быстрый отход Бель-тен-Эра, и лезвия уже несутся к своему создателю, как раздаётся пронзительный крик. Эмриссия и Мастер замирают, прислушиваясь к себе. Едва ли этот звук можно было назвать криком, скорее свист ветра, громкость которого увеличена в несколько раз, и в момент этого звука юная Морзано ощутила в себе безумное отчаяние и мольбу. Причём эти чувства были частью её самой, но тем не менее она отделяла их от себя слишком хорошо. Альцгейры, поняла Эмриссия, так плачут

Альцгейры.

Мастер улыбался. Такой битвы у него не было уже много лет. Этой девочке даже удалось услышать плач своих регалий. Он знал, со временем она научится ощущать и другие эмоции клинков. Да, эти души не зря умоляли его вернуть их в этот мир, они действительно созданы друг для друга. Одно из лучших его творений. Альцгейры были уникальны, но больше всего его поразила тот стиль, который выбрала Эмриссия для битвы с ним. Если бы Мастер не видел оружия, а видел только движения, он без сомнения сказал бы, что это сражается страж, а в руках у него Великий Сульфир. Несмотря на кардинальное внешнее различие этих его творений, они были очень схожи, и Создателя регалий смущало то, что обычный воин подсознательно использует стиль хранителей времени. Астраты, используемые в Иль-де-Нарса, представляли собой лишь остатки древнего Великого искусства, а здесь он увидел реальность.

- Да, - мысленно усмехнулся Мастер, - не зря Вирае.

Тем временем, Эмриссия опустила клинки и молча смотрела на Мастера. Он выглядел счастливым, счастливым и свободным, таким, каким его уже многие годы не видел никто в Иль-де-Нарса.

- Ты справилась, теперь они твои, - улыбнулся он. - Прислушивайся к ним, ибо их взор намного точнее твоего. С ними ты можешь пройти по краю и удержаться, только верьте друг в друга и не сомневайтесь в себе, - он снова внимательно

её осмотрел и в сознании его появилось понимание. - Эрторион Милортен Сертембент, - мысленно улыбнулся Мастер, - да, не ожидал я встретить тебя в таком обличии.

Теперь было понятно, почему ему знаком этот стиль, он принадлежал Великому Стражу позапрошлой эпохи. Тогда ещё жизнь Мастера не была полна скитаний и отчаяния. Их нельзя было назвать друзьями, но этот человек навсегда запомнился Создателю регалий искренней добротой и невозможным упрямством. Жизнь того стража была коротка, и в ту эпоху Мастер не раз встречал его перерождения, великих воинов и подвижников. Теперь же, спустя две эпохи, он снова видит его перед собой в новом обличии и отдаёт ему последнее создание своих рук. Теперь и Великий Странник может отдохнуть.

- Это моё последнее творение в этой жизни,- продолжил Мастер, - я знаю, ты достойна их, поэтому берегите друг друга до нашей следующей встречи.

- Как последнее?! - переспросила Эмриссия, и ещё по-детски наивные глаза наполнились паникой.

- Это тело изжило себя, - спокойно ответил Мастер, - моё последнее перерождение произошло тридцать эпох назад. Альцгейры были последней причиной, почему я оставался здесь. Теперь же я могу уйти.

- Вы умрёте? - по-детски всхлипнула девочка.

- Да, умру, - с лёгкостью ответил Мастер, - но смерть для меня - лишь обновление. Совсем скоро я снова вернусь в но-

вом обличии, и мы обязательно встретимся, Эрторион Сертембент.

Эмриссия сначала не поняла, к чему были сказаны последние слова, но что-то в душе её потеплело. Она не могла сознательно объяснить свои чувства и действия, но просто знала, что так есть, и так правильно. Это не требовало анализа, это была сама жизнь.

- Встретимся, Годольнитеро Альтивитон, - улыбнулась она. Мастер кивнул ей, и в тот же миг жизнь стал покидать его. Он медленно осел на пол, и глаза его закрылись, а на лице застыла улыбка. Эмриссии не нужно было проверять, чтобы точно понять, что Создатель регалий умер. Ещё раз поклонившись телу Мастера, она отправилась обратно в цитадель, чтобы сообщить всем печальное или же радостное известие.

Проводы Мастера были недолгими, он сам не желал этого. Тело и дом его были переданы огню, в то время как клинок его скрылся бесследно, спрятавшись, ожидая, когда его хранитель снова вернётся в этот мир. Закончив с церемониями, Мир-оре-Арсе начал приготовление к празднику. Живой день всегда вселял в каждого жителя ощущение радости и обновления. Весь мир просыпался от глубокого сна, освещая солнечной улыбкой каждого жителя этих мест.

Правящий дом тоже не обошла радостная суэта, и последние несколько дней все только и делали, что бегали по ци-

тадели, занятые приготовлениями, не обращая внимания на обоих Морзано, как никогда отдалившихся от всеобщей суеты. Конечно, Эридан или Вириам то и дело вовлекали их во всеобщее оживление, прося выполнить то или иное поручение, и они добросовестно выполняли всё, о чём бы их ни попросили, но сами были словно не здесь. Особенно это относилось к Эмриссии. Чем ближе становился Живой день, тем более замкнутой и задумчивой она становилось. Что касается Тедорера, едва ли его настрой можно было назвать мрачным и нелюдимым. Он спокойно наблюдал за всеми, и лишь чувства его сестры, восприимчивость к которым обострилась в нём со времён подготовки к ритуальному танцу клинков душ, вносили беспокойство в его мысли.

Вечером им принесли одежду. Как исполнители двух наиболее сложных ритуальных танцев, они просто не могли прийти на праздник в своих обычных нарядах. Танец юности Великой Матери и танец клинков душ имели слишком большое значение, чтобы исполнять их в несоответствующем одеянии. Впервые портные Иль-де-Нарса настолько расстарались. Зная то, кто будет исполнять танцы, и всеми силами желая хоть немного порадовать юных наследников Амбэралы, они осмелились внести коррективы в стандартные одеяния земель Голубых лесов. Привыкшие к сине-зелёно-фиолетовым оттенкам и свободному крою в одежде, оба Морзано были весьма удивлены, увидев матово-чёрные зеркальные костюмы, слегка украшенные узором из голубых и се-

ребряных нитей. Это было необычно и невероятно! Наверняка Лимиам будет неприятно удивлена такому решению, но это было неважно. Впервые увидев свои будущие одеяния, приготовленные для них, Эмриссия невольно вскрикнула, зачарованно проведя рукой по мягкой, идеально чёрной ткани. Чёрное с серебром - цвета Морзано, сине-голубые вставки - цвета Вьенесс Иль-де-Нарса. Это были их цвета, цвета их семьи. Как же давно им не доводилось видеть что-то подобное! Как же давно они не надевали на себя регалии собственного дома! Тедорер тоже замер, не веря своим глазам. Не сговариваясь, они стремительно схватили свои костюмы и разбежались по комнатам, спеша примерить на себя столь неожиданный, но безумно приятный подарок.

Морзано, теперь она снова чувствовала себя Морзано. Эмриссия не могла перестать крутиться, наблюдая, как серебряный узор мерцает на идеально тёмном фоне её юбки. Да, крой был не совсем привычный, и в землях Амбэралы предпочитали куда более мудрёные и усложнённые модели, но всё равно девушка словно вздохнула полной грудью, вернувшись к той, кем она была с самого начала.

У входа в её покои послышались шаги, и через мгновение перед ней предстал Тедорер, облачённый в чёрное одеяние, искусно украшенное символами вечности. На мгновение юная Морзано просто потеряла дар речи. Её брат словно стал старше, выше. Чёрный цвет вернул ему ту силу и величие, которую краски Иль-де-Нарса часто растворяли в себе.

Она уже слишком давно не видела его таким. Теперь в нём явно угадывалась сила и мощь их отца, его непередаваемое величие и способность одним взглядом доказать своё право на Корону. Сейчас в этом наряде Тедорер действительно очень напоминал его, хотя всё ещё внешне больше был похож на Вьенесс.

Эмриссия тоже преобразилась. Перед глазами юного Морзано впервые за долгие годы предстала его сестра, та самая девочка, которая почти всегда обыгрывала его в игры, и от одного взгляда которой съёживались многие их ровесники в Амбэрале. Но она действительно изменилась, в движениях появилась небывалая ранее мягкость и задумчивость. Эмриссия стала очень сильно похожа на их мать, всё ещё сохраняя в себе черты отца. Королева, настоящая королева и наместник северного воинского дома, вне сомнений! И каждый, кто завтра увидит их танец, навсегда убедится в этом.

Правда было ещё кое-что, и это что-то снова и снова приковывало взгляд юной Морзано. Ей, как участнице двух совершенно противоположных ритуалов, было приготовлено два одеяния и возможность не участвовать в большинстве мероприятий, чтобы по завершении одного танца подготовиться к следующему. И это второе одеяние обрадовало её не так сильно как первое. Белое платье из лёгкой струящейся ткани, одно прикосновение к которой вызывало восторг. На нём не было узоров, или, возможно, они были вышиты прозрачными нитями, чтобы проявить себя только в момент са-

мого ритуала. Сейчас же это было однотонное белое платье, достаточно приталенное, расходящееся свободной широкой юбкой. Оно действительно было очень красиво, искусно сочетая в себе простоту и элегантность. Всё в нём было сделано по Эмриссии с учетом её индивидуальной фигуры, стиля танца и предпочтений в одежде. Да, это был идеальный наряд для младшей Морзано, исполняющей танец юности Великой Матери, но почему же на её лице лишь разочарование и грусть...

- Тебе не нравится твоё платье? - осторожно спросил Тедорер, взяв в руки наряд сестры, стараясь разглядеть его получше. Не то чтобы он был знатоком вкусов младшей Морзано, но сейчас он не видел ни одного изъяна в принесённых им подарках.

- Нет, нравится, - равнодушно выдохнула Эмриссия, - оно действительно красиво и удобно, но мне всё ещё перетит сама мысль о том, что я буду танцевать этот танец.

Старший Морзано внимательно посмотрел на сестру. Он знал, что девушка уже приняла решение, и танец состоится, но её внутреннее неприятие немного беспокоило его. У Эмриссии была потрясающая интуиция, и Тедорер искренне надеялся, что это не она сейчас отговаривает свою владелицу от необдуманного шага.

- Чего ты боишься? – спросил он, всё ещё надеясь найти ответ. - Боишься, что не справишься?

- Отчасти да, - кивнула она, посмотрев ему в глаза, - всё

это слишком не моё, слишком не похожее на меня. Тетя Вириам ждёт, что я внесу в танец что-то от себя, но вдруг это «от себя» придётся не ко двору в землях Голубых лесов.

- Ты такая же дочь этих земель, как и Лимиам, Селилиан, Рамуа и Ардара. Ты родилась в этих землях и впитала их суть с самого рождения. Даже если бы ты очень захотела, то не смогла бы вытравить из себя всю Иль-де-Нарса,- улыбнулся Тедорер. - Да, мы Морзано, мы очень давно не были дома, и поэтому всем сердцем скучаем по тому миру, что мы оставили. Но ты прекрасно знаешь, что даже в те времена, когда мы ещё были детьми, мы всегда отличались от всех Амбэральских ровесников. Мы наполовину принадлежим землям Голубых лесов, и это скорее благословение, чем проклятие. Нам доступно всё то, что жители одного из этих миров попросту лишены. В Амбэрале никогда не проводят таких значимых ритуалов даже по большим праздникам, а в Иль-де-Нарса нет такого разнообразия сил и регалий, как в Амбэрале. То, что ты внесёшь, возможно, будет и неожиданно, но оно точно будет неплохо и освежит здешнее однообразие.

Эмриссия медленно кивнула, снова обращая взгляд к платью, лежащему в руках Тедорера. Её брат прав, она Иль-де-Нарса, крестница озера Мриссур, и если чёрное одеяние символизировало её Амбэральскую родину, то это отражало всё, что связывало её с землями Голубых лесов. Раньше, живя в землях Морзано, ей так не хватало здешней свободы и открытости, но сейчас она скучает по каменным цитаде-

лям, хвойным лесам и просторным полям своих земель. Подобная тоска со временем стала вызывать ревность, и, словно назло, Эмриссия всеми силами старалась напомнить себе и окружающим, что она Морзано, Морзано, а не Иль-де-Нарса. Она убегала от себя, всеми силами стараясь вытравить в себе что-то, чего до конца не понимала. В этом платье зашифровано нечто большее, в нём та часть её души, которую девушка искренне не принимала и даже опасалась: душа этих земель, душа её матери, от идеального образа которой Эмриссия была так безумно далека. Младшая Морзано очень хорошо помнила свою маму, её изящество, красоту, тепло и любовь. Её умение осветить собой этот мир, принести гармонию и уют, в спокойствии, терпении и доброжелательности направить на нужный путь. Эмриссия не такая и, наверное, никогда не будет такой, но нужно идти дальше, нужно попытаться стать такой, какая она есть, развив в себе все лучшие из имеющихся черт. И она постарается, обязательно постарается.

Смелость, мужество и решимость - обязательные качества воина. Эмриссия это усвоила с самого детства. Но порой мужество нужно не только во время сражения, а тогда, когда страхи и сомнения одолевают тебя. Им нет места на пути того, кто идёт вперёд, и если по какой-то причине необходимо, чтобы юная Морзано искренне, со всей отдачей исполнила этот танец, она это сделает, обязательно, ей есть что вложить в него.

Листва голубых лесов ласково шелестела под нежными, тёплыми порывами ветра. Деревья пели, как пела вся природа, снова и снова возвещая о наступлении Живого дня. Праздник уже был в самом разгаре. Очередной танец подходил к концу, и его участники завершали последние движения под внимательным взглядом фигуры, облачённой в необычное чёрное одеяние, стоявшей чуть в отдалении и не участвующей во всеобщем веселии.

Ей нужно было собраться с мыслями. Она знала, что там, на другом конце поляны Тедорер также пытается перевести дух, ведь у них осталось совсем немного времени до того, как придёт их черёд отдать дань этому празднику. Танец клинков душ. Сколько лет этим землям не доводилось видеть подобного действия, а об Амбэральских королевствах и говорить не о чем. И теперь эта честь в их руках, в руках двух наследников дома Морзано, имеющих прямую связь с тайнами земель Иль-де-Нарса. Пришёл их черёд, их время заявить о себе, их шанс привнести что-то новое в этот мир. На удивление оба не чувствовали ни беспокойства, ни волнения. Техника танца была интуитивной, в нём невозможно было забыть движение или сделать неверный поворот. Всё происходило по наитию, и лишь единение и раскрытое сердце могли способствовать успеху, память и долгие тренировки были бессильны. Периодически в головы обоих закрадывалась мысль: "А вдруг я испугаюсь? А вдруг не смогу?" - но стоило их взгля-

дам встретиться, как все сомнения тут же рассеивались под уверенностью близкого человека. Они бесспорно полагались друг на друга, так почему бы им не положиться и на себя.

Наконец, миг настал. Танцующие расступились, освобождая поляну для тех, кто впервые в одиночку вступал на неё, сопровождаемые силой и величием этого мгновения. Чёрные костюмы, столь непривычные для этих мест, усиливали ощущение нереальности происходящего. Казалось, что это неведомые существа, случайно оказавшиеся на празднике жизни и так сильно стремившиеся разделить его со всеми. Члены правящей семьи невольно вздрогнули, впервые увидев Тедорера и Эмриссию в подобном облачении. Глядя на них сейчас, просто невозможно было относиться к ним как к детям их семьи, судьбою которых они запросто могли распоряжаться. Перед ними были Морзано, наследники Морзано, несущие в себе что-то иное, едва ощутимое, что обычный житель Иль-де-Нарса едва ли был способен осознать. Морзано! Теперь их принадлежность больше не вызывала вопросов. И сейчас эти двое собирались танцевать старинный танец Иль-де-Нарса, не подвластный более никому из тех, кто собрался на этот праздник.

Медленно, осторожно, словно в каждом их движении заключалась Великая сила, и они стремились не расплескать ни капли до того, когда наступит их время сделать шаг вперёд. Оба встали с двух краёв поляны, не отводя взгляд друг от друга. Всё замерло, сама природа затаила дыхание, наби-

рая воздуха в грудь, чтобы начать песню, свою песню, которую ей уже долгие годы не приходилось исполнять. Послышался свист ветра, и тонкие ноты этого мира, словно нити, стали вплетаться в единую мелодию, вдыхая жизнь в этот момент. Всё словно сошло с мест, двигаясь в едином спокойном порыве, словно вода, окутывая вступивших на поляну.

Их взгляды встретились. Теперь всё было неважно, всё осталось позади в том, далёком мире, мире сомнений, лжи, слабостей и нетерпимости. Всё осталось там, и теперь они могли двигаться дальше. Двигаться вместе, точно зная, что от них не отрекутся, их примут такими, какие они есть со всеми слабостями и недостатками. Они нужны, по-настоящему нужны, и это придавало сил как ничто другое. В его глазах она видела безграничную любовь и поддержку. Её брат был с ней всегда, он любил её даже тогда, когда она была не способна сделать и шага. С чего же она решила, что его чувства изменятся только от того, что она сможет позволить себе слабость. Он доверял ей, был уверен в ней, полагался на неё во всём, зная, что она не подведёт, не предаст, не оставит. Для него этого было более чем достаточно, и Эмриссия видела это в его глазах. Маски были сброшены, и они уверенно могли идти вперёд. Никогда ещё каждый новый шаг не давался Тедореру настолько легко. С ним была сестра, его сестра, и с момента её рождения он никогда не был одинок. Наверное, Эмриссия никогда не сможет понять, какой свет и тепло она дарит ему только тем, что существует на этом

свете. Все её боевые и волевые заслуги не значат для Тедорера ничего в сравнении с тем, что она принимает его таким, какой он есть, не отворачивается, узнавая о самых страшных тайнах его сознания, и верит в него так, как он сам не способен в себя поверить. Эмриссия была его сокровищем, и он мог бы защищать её от всего, но понимал, что юная Морзано никогда не согласится на такое предложение. Пока она здесь, ему есть ради кого сражаться. Пока они есть друг у друга, им есть ради чего идти вперёд.

Музыка всё набирала обороты, а они даже не думали начинать. Медленно, всё также удерживая астраты рядом с руками, они двинулись навстречу друг другу. Каждый шаг их казался единым порывом, но они не замечали этого, не отводя взгляд друг от друга. Для них исчезло всё: поляна, близкие и окружающие люди, сам праздник и ответственность, возложенная на их плечи. Все это растворилось в огромном чувстве счастья, спокойствия и единения, что с каждым звуком всё больше и больше наполняли их сердца. Они были открыты, были беззащитны друг перед другом, но это только придавало им сил. Любовь, преданность, единение – какая мощь кроется за этими свойствами, собранными в единый прекрасный букет. Казалось, что они впервые доверились друг другу до конца, не скрывая ничего, не пытаясь отстраниться и защитить, а доверяя, полностью доверяя самому близкому человеку.

Их глаза сияли, оба едва могли сдержать восторг, бьющий

из их сердец. Эмоций света и благодати было настолько много, что они рвались, требуя выхода. Двое взяли мгновение, ещё мгновение, чтобы в очередной раз заглянуть друг другу в глаза, увидеть собственную улыбку во взгляде, после чего резко повернулись, выпуская силу, всё это время рвущуюся из их сердец.

Астраты полетели, ведомые танцующими. Ещё никогда они не казались им столь лёгкими и послушными. Каждое движение было естественно, как дыхание. Они сходились и расходились в танце, пролетая между сияющими клинками. Их лица были наполнены восторгом и радостью, сияющая улыбка не сходила с губ, и каждый, смотрящий на них, просто не мог не проникнуться этим ощущением счастья, восторга и красоты. Движения были быстрые, но в то же время их сопровождала плавность и спокойствие, словно всё действие покачивалось на волнах океана, ведомое лишь ему одному известному ритму. Это было великолепно. Казалось, что краски всего мира стали ярче. Жизнь вдохнула свою силу в каждую частичку вселенной, и причиной этому были они, двое воителей, двое Королей, так неожиданно осознавших собственное счастье. Клинки взлетели, вызывая невольные вздохи у толпы, но им было всё равно. Они сияли, они скользили, и это было настолько прекрасно, что всех языков мира не хватило бы, чтобы выразить их восторг. Это было сияние, чистое сияние, и оно накрыло земли Голубых лесов своим светом, проникая в него, прежде чем ритм танца стал

снижаться, постепенно замирая.

Начинался новый уровень, и оба наследника словно впали в транс, перестраиваясь под меняющиеся ритмы этого мира. Теперь на их лицах не было восторга. Они были задумчивы и внимательны, тщательно анализируя каждое своё ощущение. Мир изменился, и теперь их насыщенное единение дарило не восторг, а нечто иное. Их жизнь не была спокойной, их жизнь не была безопасной. Они пришли сюда, чтобы преодолевать, а преодоление всегда связано с тем, что причиняет боль. Брат и сестра с лёгкостью разделяли восторг от собственного единения, но что же будет, если им придётся разделить и боль? Это неизбежно, они оба понимали, что это неизбежно. Каждый из них шёл по пути, который был наполнен испытаниями и свершениями. Они понимали, что испытания даруют лишь рост, и только проходя трудности, каждый из них сможет измениться к лучшему. Однако, одно дело собственные страдания и преодоления, а другое - видеть всё это в отношении самого близкого человека. Тедорер в это мгновение как никогда осознал, как слаба его сестра. Как её повышенная чувствительность и эмоциональность снова и снова загоняют её в пучину отчаяния. Как жизненная неопределённость давит на неё с каждым днём, а собственное несовершенство усугубляет отношения с этим миром. Эмриссия не приспособлена для жизни среди людей, ему сложно было представить, как жилось бы ей, если бы его не было рядом. Слишком слабая, слишком ранимая, способ-

ная защитить других, но не себя, и от осознания этого ему хотелось выть от собственного бессилия что-либо изменить.

Тедорер и сам не был совершенством. Сейчас наследница дома Морзано видела это как никогда. Его бесконечная борьба с собой, попытки удержать ярость и истинную сущность, которая с каждым разом вырывается всё сильнее. Старший Морзано не хотел быть таким. Хотел быть достойным, хотел нравиться людям, чтоб доказать, что он не зря занимает пост, полученный им по праву рождения. Что он чего-то достоин, даже если он сам и не верит в это. Его душа была ранимой, гораздо ранимее, чем у неё, и каждую собственную неудачу Тедорер воспринимал как окончательный крах, конец, собственное ничтожество и бессилие. И он жил в этом, жил каждую минуту, и она не могла сделать ничего, чтобы облегчить его страдания.

Танец закрутился, они резко рванули друг к другу, словно позабыв обо всем. Их тела и астраты двигались с невероятной скоростью, каждым резким и стремительным движением вышибая искры из этого мира. Они создали бурю, бушующую стихию, которая танцевала по поляне, грозясь разнести на куски всё, что попадётся у неё на пути. Однако для Тедорера и Эмриссии всё ощущалось иначе. Буря была для них лишь отражением действительности, обычным состоянием, в котором они интуитивно двигались, резко меняя направление астрат. Клинки пролетали совсем близко от их тел, но оба словно не замечали этого, всё больше усиливая скорость

и опасность виражей. Они не могли закрыться, не могли привычно отстраниться, не давая друг другу увидеть свою боль. Теперь всё было открыто, и собственное бессилие сводило их с ума, вынуждая превращать танец в настоящее безумие сил, красок и лязга клинков. Их сердца отчаянно рвались друг к другу, ища выход, ища возможность хоть как-то вырваться из этого нескончаемого отчаяния. И тут словно волна поднялась внутри них. Собственные крики отступили на задний план, наполняя всё существо одним смыслом – идти вперёд. Они не могут закрыть друг друга от испытаний, не могут пройти путь друг за друга, тогда им остается только одно – идти дальше, идти, уверенно преодолевая все преграды. Их волнение не важно, важнее чувства того, чья душа так болит о них. Единственное что они могут сделать, чтобы облегчить страдания столь дорогого им человека, это идти вперёд. Преодолевать все испытания, падать, но подниматься и идти дальше. Только так сегодняшние слабости могут отступить, и не будет больше необходимости для них бояться друг за друга так сильно. Морзано рванули друг к другу в порыве обнять, защитить, укрыть, но когда их руки коснулись друг друга, в них уже было совершенно другое: поддержка, уверенность, приободрение... О каком доверии может идти речь, если они не верят в то, что каждый из них способен справиться с собственным мраком? Да, они всегда будут беспокоиться, но в то же время принимать то, что у каждого из них свой путь, и лишь достойным прохожде-

нием его они смогут достигнуть своих целей. Слабости будут, одни сменяются другими, и у них всегда будет необходимость преодолевать что-то в себе. Но это не остановит их, не даст сбиться с пути, не даст впасть в отчаяние, а лишь придаст сил двигаться дальше. И они пойдут, как шагнули сейчас, завершая новый виток своего танца. Безумие утихло под строгим покровом принятия, устремления и воли, как рано или поздно утекает всё не свойственное этому миру. Вся атмосфера словно наполнилась чем-то звенящим, потерявшем импульс разрушения, но в то же время чем-то глубоким, всемогущим и всепоглощающим. Эмриссия и Тедорер снова взглянули в глаза друг другу, и все вопросы отпали сами собой. Они смотрели друг на друга, но видели то, что и сами не могли до конца осознать. Оба в эти мгновения были собой, и в то же время являлись чем-то большим, теми, кого связывали множество жизней, и кто уж точно мог сказать, что знает друг о друге практически всё.

Лишь немногие смогли заметить, как у повернувшейся к зрителям Эмриссии в глазах сверкнул непривычно глубокий карий оттенок, а взгляд Тедорера теперь смотрел на них зелёными глазами своей сестры. Они завершали этот танец, теперь торжественность звучала в каждом их движении. Наследники, Короли, люди – они знали этот мир, уверенно вплетая в него свои собственные нити. Чувство глубокого трепета и торжественности накрыло всех, кто наблюдал за танцем. Это был тот миг, ради которого совершаются подоб-

ные ритуалы, когда каждый по мере своих сил может ощутить истинное великолепие этого мира, и оно, бесспорно, навсегда сохранится в его сердце.

Танцующие скользили плавно, большая скорость виражей астрат нисколько не вносила резкости в их рисунок. Они были единым существом, ловко лавируя между движениями друг друга, зная о манёвре своего напарника до того, когда он будет совершён или обдуман. Это было прекрасно, это было так величественно и одухотворённо, что никто не смел нарушить творимое даже случайным вздохом. Наконец, танец был завершён, Эмриссия и Тедорер изящно замерли рядом с друг другом и опустили астраты.

Природа затухала, унося отпугую песню дальше высоко к звёздам, а танцующие постепенно приходили в себя. В их глаза возвращался собственный свет и осознание. Они едва ли могли вспомнить, что происходило на поляне всё это время, но отпечаток тепла, торжественности и единения также наполнял всё их существо. Тедорер и Эмриссия переглянулись, прежде чем покинуть поляну под восторженные взгляды собравшихся. Им не требовалось ничего обсуждать, каким-то внутренним чутьём они прекрасно понимали друг друга, и слова едва ли смогли бы внести большую ясность.

Им обоим требовался отдых, а Эмриссии ещё нужно было подготовиться к танцу юности Великой Матери, но теперь сердце Тедорера было уверено, что она справится. Это лишь ещё одно испытание на её пути, и она обязательно преодо-

леет его.

Тихая спокойная мелодия, льющаяся, словно вода, по тончайшим струнам этого мира, постепенно набирала силу. Пришло время одного из самых красивых ритуалов этого праздника. Все присутствующие расступились, чтобы пропустить на поляну ту, кому сегодня посчастливилось исполнить танец юности Великой Матери, и она уже была здесь.

Медленно ступая босыми ногами по прохладной траве, Эмриссия шла вперёд, стараясь смотреть строго перед собой, чтобы не видеть множество людей, не сводящих с неё взглядов. Белое платье сидело идеально, красиво отвечая каждому движению девушки. Она словно скользила над поляной, укутанная в небесное кружево. Волосы юной наследницы были непривычно распущены, и лишь скромная диадема венчала её голову. Всё было идеально, в лучших традициях Иль-де-Нарса и Живого дня, но стоило опустить взгляд чуть ниже, как невольный вздох вырывался из уст собравшихся. В руках у Эмриссии были Альцгейры, Альцерн и Гейран - её собственная регалия, сделанная Мастером. Усовершенствованные астраты, одно из опаснейших оружий, видимых в этих землях, и зачем оно здесь, в ритуале, несущем счастье, гармонию и любовь в этот мир?

Однако саму Эмриссию это нисколько не смущало. Уверенно ступив на поляну, она на мгновение замерла, переводя дух. Вот, время пришло... У неё есть несколько тактов, что-

бы собраться с мыслями, прежде чем танец начнётся. Закрыв глаза, младшая Морзано постаралась мысленно обратиться ко всему, что было дорого её сердцу: брат, родители, семья, родные и друзья, весь этот прекрасный и невероятный мир, в котором ей посчастливилось жить. Её сердце наполнялось любовью, любовью к этому миру, ко всем его обитателям, но что-то не давало ей покоя, что-то держало её, мешая распахнуть своё сердце этому миру. И тогда, из самой глубины её существа послышался голос.

- Ничего не бойся, девочка моя, я с тобой!

- Мама! - чуть слышно выдохнула Эмриссия, и взгляд её тут же переменялся. Беззащитность, любовь, тоска, боль, радость, невероятное тепло, ощущаемое в сердце, когда ребёнок трепетно прижимается к своей матери. Все эти чувства разом накрыли её, сметая все препятствия и барьеры. Эмриссия снова была маленькой девочкой рядом с материнским порогом. Она нашла её, она была дома...

Музыка полилась, и Эмриссия поплыла вслед за ней, ведомая чувством и теплом, идущим из самого её сердца. Она улыбалась, искренне улыбалась, и в её улыбке было столько нежности и любви, что хотелось осветить ею весь этот мир. Движения девушки были медленны и плавны, она словно возвращала себе обратно потерянные за годы страданий женственность, красоту, грацию, изящество, приобретающие в её более взрослом облике новые черты и проявления. В этот миг Эмриссия была красива, необычайно краси-

ва в своей непривычно-лёгкой и хрупкой красоте, такой, какой на самом дела была её душа. Тонкая и ранимая, словно крылья бабочки, она впервые за долгое время по-настоящему открыла её, не боясь, что кто-то может нарушить её свет. Младшей Морзано было легко и хорошо. Как в детстве, она могла сиять, дарить своё тепло этому миру, и ей ничего больше не было нужно. Благодать, необычайный подъём и восторг - всё это она ощущала каждый миг, вырисовывая всё новые и новые фигуры на зелёной траве, словно звезда, спустившаяся с небес и осветившая души всех своим загадочным, но таким невероятно близким и родным светом.

И всем было хорошо, необычайно хорошо. Свет этого танца коснулся души каждого, заставив ощутить такое до боли знакомое тепло. Любовь, вот что лежало в основе, и именно она наполняла сейчас всю поляну, выливаясь за край. Искренняя, юная девичья любовь в тёплых и заботливых объятиях своей матери. В этой простой истине заключался целый мир, и сейчас на глазах у всех он, словно цветок, постепенно раскрывался, являя с каждым движением новые и новые краски.

Эмриссия потерялась в своих ощущениях. Она купалась в этой любви и восторге, вкладывая все свои чувства в каждое движение, в каждый шаг и поворот. Это великолепие казалось бесконечным, долгим и прекрасным, как сама жизнь, но тут музыка начала затухать, меняя свою окраску, и глаза девушки раскрылись. За доли секунд её сознание сдела-

ло огромный шаг вперёд. Словно мгновенно повзрослев, понимание юной девушки, купающейся в любви этого мира, расширилось, и в глазах Эмриссии отразились глубокие чувства уже иной любви, более сильной и глубокой, могучей и всеобъемлющей. Это были глаза матери, матери, взирающей на своё дитя. Смотрящей на этот мир зрелым, осмысленным взглядом, видя каждую его деталь, каждую мелочь и составляющую. Сердце дрогнуло, и взгляд зелёных глаз наполнился паникой. Она скользила по поляне, но снова и снова в глазах отражалось то, что видело её сердце: ужас, смятение, страх - вся боль этого мира разом наполнила её существо. Отчаяние, безысходность, неизбежность - всё это разом окружило её, предчувствуя бури надвигающейся эпохи. Эмриссия была не готова к этому. С силой она пыталась разогнать наступающую тьму Альцгейрами, но всё было тщетно. Мрак наступал, подавляя, лишая сил и воздуха, заставляя беспомощно упасть замертво и не пытаться противостоять этой мощи. Но она не могла. Боль окружающего её мира словно прорвала плотину внутри неё. Привыкшая полагаться на силу и узревшая её бесполезность, Морзано обратилась к тому, кто ещё хоть немного разбивал всё больше окружающий её мрак - к своему сердцу. Именно сердце продолжало до последнего пылать в её груди, разрывая окружающую темноту. Сердце - её сила, её мощь, её спасение. Мысленно она возвала к Великой Матери, сжимая сердце как последний источник света в тёмном царстве, моля о по-

мощи, прося хоть немного облегчить ту боль, что поглощала этот мир. Эмриссия готова, её сердце справится, лишь бы ей дали сил развеять это мрак. Сердце трепетало, и девушка трепетала вместе с ним, отвоёвывая каждый миллиметр своего сознания, и когда сил уже практически не осталось, яркий поток света разверзся у неё над головой. Сердце утонуло в спокойствии и благодати, и Эмриссия поняла, её зов слышали. Нежные руки Великой Матери словно протянулись к ней, коснувшись самого её сердца, и она очнулась. Боль, ужас, смятение этого мира по-прежнему окружали её, но взгляд девушки изменился так, как если бы она за мгновение повзрослела на несколько десятков лет. Эмриссия уверенно ступала вперёд, не ведая сомнений. Ужас, открывающийся её взору, больше не смущал её, а лишь воодушевлял ещё увереннее идти вперёд. Теперь она не понимала, как мгновение назад могла позволить себе слёзы и отчаяние. Лишь действием можно было разрешить что-то, страх и проклятия ни к чему не приведут, нужно идти. И юная королева шла. С каждым шагом её сердце сияло всё ярче, питаемое лучом Великой Матери. Сознание девушки устремлялось к Великому Сердцу, зная, что под его светом никакая тьма не сможет коснуться её существа. Мрак стал опасно отступать, а сияние сердца всё стремительнее охватывало пространство вокруг себя. Юная Морзано больше не была той испуганной девочкой, что только начала танец, она была собой, в одном из высших своих проявлений, которое

пока ещё, в силу жизни и возраста, способна была достигнуть лишь на небольшие краткие мгновения. В душе её царили твёрдость, спокойствие и понимание. Чувство любви и заботы об этом мире расцветало в её душе, и сама она, как цветок, раскрывала сияющие лепестки, неся свет и красоту этому миру. Танец ускорялся, сияние усиливалось, душа ликовала в радости и красоте освобождающегося мира, когда девушка почувствовала, что помимо собственного сердца и луча Великой Матери, она ощущает ещё множество сердец-солнц, которые также вступили в эту борьбу. Её зов оказался слишком пронзительным, чтобы близкие ей люди смогли остаться в стороне. Эмриссия ощущала своего брата, после предыдущего танца распознавание его сил уже не требовало такой концентрации, как с другими. Она понимала, что с лёгкостью могла бы распознать, кому принадлежит та или иная сила, но это было неважно. Их совместные усилия могли очистить этот мир, вернув ему первородную красоту и великолепие, поэтому младшая Морзано была рада любому отозвавшемуся на её зов. Танец подходил к концу. Сила успокаивалась, возвращаясь в свои истоки. Свет их сердец смог справиться с наступающей тьмой, а значит, у них были все шансы справиться со всеми испытаниями, что уготовила им наступающая эпоха. Последнее прикосновение Великой Матери, которое раз и навсегда запечатлится в её сердце. Привычная концентрация на собственной силе и понимание... Она не одна! Всё это время, с момента того, как под

лучом высших сил она снова пришла в себя, она была не одна. Чужая мощь, слишком легко сливающаяся с её собственной, ни на мгновение не оставляла её. И лишь когда все прочие силы отступили, Эмриссия смогла отделить её от себя. Их единение было так привычно и естественно, что её высшее сознание несколько не акцентировало на этом внимание до того момента, когда она начала возвращаться к своему текущему уровню, осознание накрыло её с головой. Кто это мог быть? В непонимании девушка обернулась, смотря вслед уходящей энергии, и была готова поклясться что знает, её сердце бесспорно знает, кому принадлежал этот свет, лишь для её текущей личности это по-прежнему оставалось загадкой. Только вот томить себя отгадыванием не хотелось. Умиротворение, принесённое высшими силами, заставляло совершенно иначе взглянуть на этот мир. Всё раскроется в своё время, а ей остаётся только наблюдать и с трепетом ожидать, когда их сердца вновь обретут друг друга.

Танец был завершён. Вся толпа празднующих затаила дыхание, не сводя глаз с девушки, замершей посреди поляны. Такого танца юности Великой Матери никому из жителей Иль-де-Нарса ещё не доводилось видеть. Да, свет и сияние благодати был непосредственным атрибутом каждого явления высших сил, но здесь было что-то ещё. Одни Альцгейры, сопровождавшие каждое движение своей королевы, уже говорили о многом. Она видела боль, страдание, но в то же

время всем своим существом призывала их воспрянуть духом и не допустить того, чтобы тьма окончательно поглотила их сердца. Сияние Эмриссии было необычайно ярким, идущим от самого сердца, но поразительнее этого был момент, когда другие сердца начали присоединяться к ней. Тедорер, Ардеон и другие члены правящей семьи Иль-де-Нарса почувствовали, как их сердца с жаром откликнулись на зов, спеша на помощь танцующей. Их силы слились со множеством равнодушных сердец и смогли одолеть приближающуюся смуту. Они победили, но оставшийся осадок словно твердил им, что это ещё не конец. Главный бой ещё впереди, и им всем предстоит подготовиться, чтобы не оступиться в последний момент.

Тедорер осторожно вышел вперёд, поднял полубессознательную сестру на руки и унёс её по направлению к цитадели. Он тоже ощутил многое. Сердце его одним из первых откликнулось на её зов, и, в отличие от жителей Голубых лесов, в той битве он ощущал сердца многих амбэральцев, как членов его собственной семьи, так и принадлежащих к другим Великим домам. Это было явление необычайного единения, когда и Иль-де-Нарса, и Амбэрала воспрянули в едином порыве, ведомые зовом Великой Матери, и никакой мрак не мог затушить их огонь. Это было лишь явление, лишь проба, лишь преддверие, но они поняли, каким путём им следует идти, чтобы победить.

Эмриссия задышала ровнее. Похоже, уставшее сознание

отпустило её, погрузив в целебную дремоту. Тедорер знал, что она не нуждается в целителе. В последнее время он ощущал её состояние так же остро, как и своё собственное, поэтому с уверенностью мог сказать, что текущая слабость была вызвана необычным напряжением сил и большим потоком высших энергий, которые его сестра была пока неспособна быстро принять. Очнувшись, Эмриссия полностью восстановится, а сейчас ей был показан покой, и желательно нахождение как можно дальше от большого скопления людей. Тедорер знал, что все жители дворца ещё несколько часов будут завершать празднество, и он волен был присоединиться к ним, но не хотел. Сейчас его сестра была беззащитна, и старший Морзано чувствовал своим долгом оставаться рядом с ней.

Тедорер увидел многое и был уверен, что большая часть представшего перед ними относилась к их собственному будущему. Их сердца сияли вместе в едином порыве, но он смело признавал то, что пламя его сестры двоилось и состояло из нескольких частей, и старший Морзано даже не сомневался в том, кому принадлежала вторая часть. Они могут стать великими мастерами астрат, могут освоить все известные искусства и навыки, но лишь свет сердца, единение, мужество и любовь к этому миру могут принести им спасение и счастье. В высоком состоянии, которого им удалось достичь во время танца Эмриссии, их души не ведали сомнений, страха, ненависти и обид. Они находились в спокой-

ствии и равновесии, уверенно следовали по своему пути, бережно и с любовью освещая и очищая этот мир. Они не обжигали, они просто несли свет всему живому, как солнце, которое светит всем без разбора, и каждый сам решает, какую часть его света он примет. Им многому предстоит научиться, прежде всего - совладать со своими эмоциями и нести спокойствие и гармонию этому миру. Но это всё завтра, а сейчас им обоим нужен отдых. Кто знает, что принесёт им следующий день...

Ардеон проснулся очень рано. Что-то тревожило его сердце, отгоняя сонливость. Лес спал, когда Видящий покинул свой дом, изо всех сил стараясь не потревожить сон жены и дочери. Мир встретил его спокойствием и тишиной. Остатки вчерашнего праздника до сих пор витали в воздухе, наполняя лёгкие ощущением обновления, света и новой жизни. Всё дышало, но дышало как-то иначе: глубоко, свободно, как дышит природа, освобождаясь от зимней спячки и заточения. Вчерашний праздник всё ещё стоял перед его глазами. Его племянники справились с возложенной на них ответственностью и смогли привнести многое в культуру и традиции их земель. Ардеон был горд ими обоими, как и всеми прочими участниками ритуальных танцев. И пусть Тедорер и Эмриссия покинули праздник раньше, едва ли они пожалели о том, что им удалось сделать. Они прикоснулись к событиям, только начинающим складываться в их мире, и те-

перь у них есть все возможности повлиять на ситуацию, изменив её в лучшую сторону.

Сам Ардеон также всем сердцем присоединился к Эмрисии во время её танца юности Великой Матери. Ему открылось многое, но гораздо большее открылось Ардаре, его дочери. После того, как они вернулись с праздника, девочка заперлась в своих покоях и громко рыдала, пока силы не оставили её, и она не провалилась в спасительный сон. Видящий знал, что его дочь воспринимает этот мир гораздо тоньше, чем он сам. Сочетание способностей Видящего и эмпатика давали поразительные результаты, но при этом её собственная чувствительность как открывала ей более тонкие и прекрасные черты этого мира, так и позволяла увидеть боль и страдания там, где его взору просто не хватало ясности. Все эти дети пришли в непростое время, и лишь их руками и сердцами будет слагаться мир, в котором всем им предстоит жить.

Неожиданно ветер усилился, резкий порыв окутал его, вырвав из собственных мыслей и заставляя внимательно оглядеться вокруг. Откуда в самой чаще леса может взяться настолько резкий порыв ветра? Его жилище находилось в самых непроходимых зарослях, и не каждый путник, не то что ветер, был способен найти дорогу сюда. Это было что-то другое, и постепенное осознание складывалось в его мыслях.

Ветряное послание. Сделанное не очень умело, очевидно, пославший ещё не так хорошо освоился с этой наукой, или

вообще впервые пробовал совершить подобный жест. Сила ветра была высока, а значит, послание пришло издалека. Только один человек из столь дальних мест мог отправлять ему подобные сообщения.

- Ардеон, - прошелестел ветер, и Видящий узнал знакомый голос Керлиндера, Великого Наместника северного воинского дома, - не знаю, получится ли у меня передать тебе это послание, но всё же рискну, зная, что пока никто, кроме вашего народа, не обладает подобным умением и знаниями. Я не скажу, что опасность миновала. Мне удалось найти предателя, открывшего цитадель, и понять личность того, кто с самого начала руководил всем этим кошмаром, но подобраться к нему у меня пока нет возможности. Амбэрала понесла ещё одну потерю: дом Истаресс был захвачен так же, как и наша цитадель, правда с гораздо более плачевными последствиями. Наследники выжили, но среда, в которой они оказались, оставляет мало надежд на то, что из них вырастут достойные законные правители своего дома. Амбэрала теряет силы, теперь уже никто не сомневается в этом, и нашим наследникам придётся принять дом в ещё более сложных условиях, чем принимали мы с Ерардэром. Тедореру через два года исполнится двадцать. Дольше я не смогу отсрочить передачу звания главы дома его законному владельцу. Я понимаю, что даже через два года им обоим будет рано возвращаться в Амбэралу. Они ещё не готовы, да и мне потребуется время, чтобы обезопасить их настолько, насколько

это возможно. Однако, им нужно будет посетить цитадель, пусть тайно, пусть под покровом ночи, но меч дома Морзано должен засиять в руках законных правителя и наместника. Я буду ждать их, когда это будет возможно. Желаю всех благ тебе и твоему дому. Дом Морзано навеки в неоплатном долгу перед всеми вами.

Послание закончилось, и Адreon задумчиво нахмурился, ещё раз обдумывая услышанное. Амбэрала... Наследникам нужно будет посетить Амбэралу, и Видящий как никто другой понимал важность этого события. В обезглавленном доме принятие наследником своей силы по праву просто необходимо, даже если он и не сразу получает все бразды правления, переходящие вместе с клинком. Правящий дом Ильде-Нарса не может удерживать Тедорера и Эмриссию здесь больше, чем необходимо. Им придётся отпустить их, чтобы они могли принять то, что полагается им по праву.

Совет продолжался очень долго. О полученном ранее послании Ардеон известил всех утром, и эта новость вызвала бурное обсуждение среди членов правящей семьи. Верис и Инниан были категорически против того, чтобы отпустить внуков в Амбэралу. Их поддерживала Лимиам и прочие близкие родственники. Лишь Вириам, Эридан и Ардеон находились в сомнении. Будучи на самой вершине иерархии сил этого королевства, они слишком хорошо понимали, чем опасно отступление на этом шаге. Они не только мог-

ли лишить Тедорера и Эмриссию законных прав, но и ослабить как их самих, так и дом Морзано, который чудом ещё держался на плаву. Наследники никогда не простят им такого поступка, да и весь их привычный мир может оказаться под угрозой из-за того, что их родственные чувства взяли верх над долгом, который они должны выполнять. Им не удалось удержать Вьенесс, как не удастся удержать и этих детей. Амбэральцы сбегут, если их не отпустят добровольно, но не останутся в золотой клетке, обеспечивающей им мирную и спокойную жизнь, но не дающую исполнить то, что предназначено им судьбой. Это неправильно, и все они прекрасно понимали это.

- Хватит, - резко вскрикнула Вириам, поднимаясь со своего трона. Эмоциональность обсуждения её изрядно утомила, и, чувствуя поддержку от своих младших братьев, она больше не видела смысла в продолжении этого и так слишком затянувшегося собрания.

- Судя по всему, все мы забыли о той роли, которую играем в судьбе этих детей, – строго проговорила Королева. - Они не наша собственность, как и не собственность своих родителей. Они пришли в этот мир свободными, и у нас нет права удерживать их в угоду собственному спокойствию и комфорту. Они пришли в этот мир, чтобы совершить что-то важное, и наша задача снабдить их всем необходимым, научить их всему, что мы знаем сами, но не препятствовать им идти и совершить то, для чего они спустились в этот мир. Давайте

оставим эгоизм. Это дети Амбэралы, это наследники дома Морзано, и у нас нет права удерживать их в своих землях. Если им потребуется помощь, мы с радостью примем их, но пока мы не станем мешать тому, что должно свершиться.

- Они справятся, - спокойно и уверенно продолжил Ардеон, - пусть их года не велики, их навыки позволяют нам довериться им даже в таком опасном путешествии. Они справятся, и наша задача как семьи верить в них и поощрять любое благое начинание, а не чинить препятствия на и так непростом пути этих детей.

Все молчали. Действительно, в порыве эмоций они слишком легко забывали, кто они и в чем их роль в жизни этих детей. Более мудрые тут же согласились с Королевой и Видящим, те же, кто был не согласен, предпочли промолчать. Спорить было действительно не о чем. Всё было предрешено с самого начала, и не было смысла усложнять то, что и так понятно.

Новость о возвращении была неожиданной. Тедорер и Эмриссия спокойно продолжали свою жизнь и подготовку ещё два с половиной года, пока в один из вечеров их не посетила Вириам, чтобы сообщить, что через несколько дней им предстоит отправиться в Амбэралу. Бурю эмоций, поглотившую в тот момент души наследников, едва ли можно было осознать. Тут были и радость, и восторг, и нетерпение, но в то же время сердце сжималось от ужаса, что им придётся

вернуться в то место, где случился их самый страшный кошмар. Они боялись и друг за друга, и за себя, но это ни на мгновение не пошатнуло их решимости отправиться в путь. Амбэрала ждала их, манила неведомым им чувством единения и принадлежности, и они просто не могли оставить её.

Сборы заняли совсем немного времени. Оба наследника были прекрасно подготовлены к походу и знали всё, что могло потребоваться им в Амбэрале. Обсудив с Ардеоном, единственным, кто бывал на их родине, самый безопасный путь до цитадели, они решили следовать через земли Арити и Мюриэле. Путь через степи Гемблет был значительно короче, но Видящий не рискнул отправить племянников через падший воинский дом, который посмел уничтожить свою собственную Королеву. На территориях южного воинского дома, скорее всего, их путь будет спокоен, а земли Мюриэле они знают достаточно хорошо, чтобы не быть замеченными. Оставался риск того, что они столкнутся с Абриэлем или его сыном, но этот вопрос Ардеон решил предоставить Керлиндеру, в конце концов, тот разбирался в отношениях Амбэральских домов гораздо лучше, чем он сам. К тому же едва ли от правителя Мюриэле можно было ожидать какой-либо угрозы для детей его лучшего друга. Так и решили.

На четвёртый день сборов рано утром правящая семья Иль-де-Нарса собралась на выезде из Мир-оре-Арсе, чтобы проводить двух наследников Морзано, ставших такими родными каждому в этих местах. Эридан постоянно твердил

обоим о безопасности, проверяя наличие астрат или, в случае Эмриссии, Альцгейр. Вириам убедилась в сохранности припасов. Все, включая Лимиам, очень недовольную происходящим, стремились дать последние наставления в дорогу, так и не давая отправляющимся двинуться с места. Ардеон смотрел на это и вспоминал, как когда-то они впервые отправляли в Амбэралу свою Вьенесс. Тогда она и Еرارдэр отправлялись в путь, окрылённые грядущими свершениями, теперь этот же огонь горел в глазах их детей. Если всё сложится благополучно, то Тедорер вернётся сюда уже Королём, а Эмриссия наместником. Их не будет максимум пару дней, но что-то подсказывало ему, что за эти часы изменится всё. Весь расклад, который они запланировали, придётся стремительно менять, подстраиваясь под новые обстоятельства, о которых никто из них ещё пока не догадывался.

Лошади двинулись в путь. Едва скрывшись за деревьями, Эмриссия резко обернулась назад. Они вернутся совсем скоро, но её не покидало ощущение, что вернутся они сюда уже совсем другими людьми.

## Глава 3. Керлиндер.

Эта ночь была на удивление тёмной и прохладной. Лето оставляло свои позиции, и ветер уже нёс с севера первые отголоски наступающей осени. Все душные дни остались позади, хотя едва ли можно назвать душным хоть один день на территории северного воинского дома. Морское побережье всегда щедро одаривало цитадель ветрами и бризами, разбивая свои волны об острые скалы, бессменно охраняющие одну из сторон старинного замка. Любой житель этих земель сказал бы, что время открытых окон прошло, и ночами уже становилось по-осеннему морозно и промозгло. Но только не ему.

В последние годы он полюбил холод, полюбил его способность оставлять все мысли позади, остужать сознание и чувства, позволяя хоть на мгновение замереть, не обдумывая, не чувствуя, не вспоминая. Это была его маленькая отдушина, о которой знали только его жена, ну и, возможно, дети. Он всеми силами старался укрыть их от того кошмара, в котором варился сам, но не мог. Они были частью его, частью его жизни, и каждое событие, происходящее с ним, просто не могло не оказывать влияния на них. Да, когда-то давно он пытался избежать всего этого, но теперь понимал, что без них он бы просто не выжил. Просто не нашёл бы в себе сил пройти всё это, не сжигая собственной души. А теперь его

душа нужна, нужна как никогда тем, кто всегда будет нуждаться в его защите и опоре, и он не подведёт их, ни за что не подведёт.

Тёплые нежные руки на мгновение прервали его мысли. Мягким движением скользнув по плечам и накинув на плечи лёгкую домашнюю мантию, они нежно обхватили его со спины, согревая своим теплом и заботой.

- Ты опять не спишь,- тихий голос, в котором слышится едва заметный укор. Да, порой он действительно не мог уснуть. Мысли тяжёлого дня не всегда позволяли ему выскользнуть из своих тисков, и порой он, словно волк, рыскал по комнате, не ведая покоя, и только она, его свет, была способна остановить это безумие.

- Я разбудил тебя? – осторожно спросил он, мягко касаясь её рук. Они всегда были тёплыми, несмотря на настежь открытое окно. С годами в нём росла уверенность, что он совсем разучился бы чувствовать тепло, если бы рядом с ним не оказалась она. Страшно подумать, как сложилась бы его жизнь, если бы его упрямая и свободолюбивая девочка не взяла всё в свои руки в то время, когда он был окончательно разбит и потерян. Всё было против них, он сам был обеими руками против них, не желая для любимой такой судьбы. Он бы справился, пережил как-нибудь, но не стал бы ломать ей жизнь. Однако, при всём его могуществе и власти, ему оказалось просто невозможно повлиять на неё.

Он помнил, с каким выражением она протянула ему за-

ключение дома Фьене. Её сине-зелёные глаза в тот момент сверкали, словно искры из костра. Это было целиком её решение, никто, ни Тапеллания, ни Гретелия не знали о её поездке. Никто не знал, что она смогла решиться на такой шаг, не посоветовавшись ни с кем. Никто не ожидал, но это произошло. В тот момент она протягивала ему подтверждение, сделанное лично Касфан Фьене, и не имеющее обратной силы ни при каких обстоятельствах. Она собственноручно подписала себе приговор.

От осознания того, что же наделала эта маленькая девочка, решимость и упрямство которой он в очередной раз недооценил, у него резко заболела голова. Зажмурившись, он потёр лоб, стараясь привести мысли в порядок и понять, что же ему теперь делать в так неожиданно сложившейся ситуации. Подтверждение дома времени - закон для Великих домов. Эта юная девушка не сможет связать свою судьбу ни с кем, кроме него, а он на данный момент не самая лучшая партия для блистательной посвящённой. О, небо, да Гретелия с Тапелланией сожрут её за подобное самоуправство, едва ли она позволит ему выставить себя виноватым, сказав, что это он втайне от всех получил подтверждение. В этой девочке было невероятное чувство справедливости, а зная то, как относятся к нему почтенные матроны после недавних событий, она и вовсе с порога объявит, что это была полностью её инициатива, а он просто жертва ситуации. Ничего себе жертва! Он все ещё не знал, радоваться ему или ужа-

саться. Какая-то часть его определённо была счастлива, не в силах поверить в так неожиданно свалившийся дар, но в большей степени её заглушало беспокойство. Что теперь будет? Скандал для северного дома неминуем. Ещё один брак посвящённой с отступником, заключённый по её собственной инициативе. Представляет ли она, насколько изменится её жизнь после брака с ним? Представляет ли, какая тень ляжет на неё и на её потомков? Он не хотел этого для неё, но она не оставила ему выбора.

Сияющие глаза, полные твёрдости и уверенности, всё ещё смотрели на него. Она словно говорила: «Я знаю, на что иду, и у тебя нет аргументов, чтобы помешать мне». Долгий выдох. Способность к речи постепенно возвращается к нему после пережитого шока.

- Зачем, Пириа? - низко проговорил он, всё ещё не способный взять под контроль голос. - Брак с отступником. Неужели это стоит всего, что у тебя есть в жизни?

- А разве ты отступник? - уверенно парировала она, слегка откидывая голову, чтобы поймать его взгляд. На мгновение Керлиндеру показалось, что она знает. Что по какой-то причине ей всё известно, и сейчас ему придётся оправдываться за сокрытые тайны и очередную попытку взвалить всё на свои плечи. Но потом он понял, что ошибся. У Пиллarii не было ни аргументов, ни доказательств в свою пользу. Она не смогла бы ничего возразить Гретелии, увидевшей его рядом с мёртвым Ерардэром, но эту девушку всегда и выделяло то,

что доводы рассудка она слушала в самую последнюю очередь. Прежде всего было её сердце, маленькое, яркое, пылающее. Пиллариа доверяла ему и своим чувствам больше, чем кому-либо, и он сам не раз убеждался, насколько верные решения и ответы ей удавалось найти, совершенно не прибегая к очевидной логике и рассуждениям.

- Это неважно, - отмахнулся он. - Бабушка уверена в этом, и все остальные будут воспринимать тебя только в этом статусе.

- Мне всё равно, - жёстко ответила она, не отводя взгляда.  
- Все приближённые дома Морзано не простят тебе этого.  
- Они смирятся с этим - очередной аргумент был отбит ещё более резким тоном.

- Твои дети будут носить эту тень на себе всю жизнь, - снова попытался он, но Пиллариа только улыбнулась.

- Я думаю, что для детей гораздо важнее то, что они родились в любящей семье. Их ждали, о о них думали, их очень любят и принимают такими, какие они есть. А всё остальное можно спокойно разрешить.

Всё. У него закончились аргументы. Конечно, в самом начале этого спора наместник понимал, что обречён на провал. Подтверждение дома Фьене уже сделано, пути назад нет. Но он всё больше удивлялся тому, каким счастьем и надеждой сияли её глаза. Пиллариа действительно хотела этого союза и ни мгновение не сомневалась в том, что он будет счастливым.

- Для меня, - осторожно заговорила она, впервые за эту беседу опустив взор, - для меня будет значим лишь один аргумент, что ты не хочешь этого союза, потому что я не та девушка, с которой ты хотел бы связать свою судьбу. В таком случае, я попрошу у тебя прощение за разрушение и вмешательство в твою жизнь и постараюсь удалиться так, чтобы больше никогда не попадаться тебе на глаза.

- Пириа! - в бессилии воскликнул он, нервно потирая лоб, словно голова разболелась ещё сильнее. Хотя, так оно и было, она просто могла взорваться от всех этих событий. - Ну что за чушь! Всё должно было быть не так! Ты должна была сказать хотя бы мне...

- Чтобы ты уничтожил на корню всю мою затею, - перебила она. - Я слишком хорошо тебя знаю, Керлиндер. Ты никогда бы не согласился на то, что ты считаешь неправильным, особенно в отношении меня.

Да, она была права, наместник никогда бы не позволил ей совершить подобное, но теперь всё решено, пути назад не было. Они пара по всем законам Амбэралы и Великих домов. Все его самые невероятные мечты сбылись, и теперь Керлиндер просто не знал, что делать с так некстати свалившимся счастьем.

- Ты будешь несчастлива со мной, - чуть слышно проговорил он, впервые глядя ей в глаза совершенно открыто, не скрывая тех потоков боли, отчаяния и ужаса, что плескались в его душе. Ей придётся жить с этим, жить с его кошмара-

ми, с тем, что будет представлять из себя его жизнь в качестве отступника. Но Пиллариа лишь улыбнулась. Лёгкая, тёплая улыбка, и все его страхи отступили. Её уверенность теплом передалась и его сердцу. Он больше ничего не мог изменить. Привыкший всё контролировать наместник дома Морзано впервые смирился с ситуацией и просто наслаждался так неожиданно свалившимся на него счастьем.

Конечно, весь кошмар его жизни никуда не делся, и его путь по-прежнему будет наполнен множеством испытаний, но теперь Керлиндер точно уверен, что в нём будут и светлые тона.

Скандал в благородном семействе очень быстро урегулировала Пиллариа, в очередной раз доказав всем свою полную независимость и самостоятельность в любом решении. Их свадьба была не особо праздничной, большинство присутствовали просто потому, что так было нужно, но для них двоих это было настоящей радостью. Счастье, светившееся в их глазах в этот момент, легко могло перекрыть всю скорбь и недовольство остальных гостей праздника. Керлиндер знал, что там наверху оба его брата искренне радуются за него, и Ерардэр, наверняка, громко хвалит Пилларию, что она смогла сделать то, на что сам наместник так и не решился. Ему не хватало их, очень не хватало, и всегда будет не хватать, но надо идти дальше, и теперь у него появился ещё один повод идти вперёд. Идти и не оглядываться, устремляясь лишь в будущее, а оно во многом было прекрасно. Не успело его

уставшее сердце согреться любовью обожаемой супруги, как на свет появились ещё два существа, которым было совершенно всё равно на то, как их отца воспринимает большая часть Амбэралы. Дочь и сын, Ливьерия и Крудиер, его маленькие солнца, которые принесли в его мир неведомый ранее смысл. Керлиндер был счастлив. Несмотря на все испытания, его жизнь была прекрасна. У него было за что бороться, и Великий Наместник не сомневался, что сможет победить, пока они будут рядом с ним.

- Я тебя разбудил?

- Нет, я сама проснулась, - мягко ответила Пиллария, уткнувшись лбом ему в спину, с трудом приоткрывая заспанные глаза. - Уже поздно, тебе нужно выспаться, - мягко, но настойчиво проговорила она, и Керлиндеру оставалось только кивнуть и последовать за ней, как и всегда.

Она всегда знала верный путь, и за прожитые вместе годы Великий Наместник привык полностью полагаться на её чувства. Керлиндер на мгновение замер у окна, любуясь своим счастьем и наслаждаясь каждым мгновением своей жизни, пока недовольный голос не напомнил ему о своих обещаниях.

- Керлиндер!

- Иду, Пириа, уже иду...

Он бежал как загнанный зверь. Нет, не так, он был именно зверем, всеми силами пытающимся скрыться в темноте

неспокойной ночи. Он уже не помнил, сколько прошло времени: день, неделя, год - неважно. Каждое мгновение с тех пор заставляло его в ужасе замирать и прислушиваться к ночи в поисках малейших признаков погони. Миражи прошлого преследовали его, ни на миг не оставляя одного. Где бы он ни находился, куда бы ни уехал, они всегда будут рядом, и ничто в целом мире не избавит его от этой напасти.

И сейчас он здесь, скрылся в самом дальнем уголке морзановских земель среди болот и скал, всеми силами пытаюсь спрятаться от себя самого. Каждый день ему приходилось осторожно бродить в поисках пропитания и припасов, а ночью трястись в животном ужасе, ожидая, что неизвестный преследователь вот-вот настигнет его. И эта ночь не была исключением. Ветер бушевал так, словно всерьёз вознамерился сорвать и без того хлипкую крышу. Тени за окном ходили ходуном, как неясная тёмная масса, стремящаяся поглотить его в своей пучине. Дождь стучал по крыше, снова и снова требуя приюта, но он не открывал, затаясь, всеми силами убеждая себя, что разыгравшаяся стихия не имеет ничего общего с его собственными кошмарами.

Он видел всякое: жутких чудовищ, смерти, погоню и самое страшное: жестокий взгляд знакомых зеленоватых глаз, без слов обещающий ему все муки этого мира. И он боялся, боялся встретиться с обладателем этих глаз, понимая, что после этой встречи у него не останется не единого шанса уйти невредимым.

Снаружи слышался стук копыт. Нет, это ветер, обязательно ветер гоняет засохшие сучья по порогу! Чьи-то шаги уверенно ступили на крыльцо. Он сжался, всеми силами отгоняя от себя навалившийся кошмар. Сколько раз ему уже казалось, что кто-то пришёл за ним, и каждый раз всё оказывалось сном или видением, вызванным призраками ночи. И этот раз не исключение! Всё развеется с наступлением утра! Там никого нет! Там никого нет...

Но словно в насмешку шаги стали ещё громче. С невероятным грохотом входная дверь слетела с петель, рухнув на пол небольшой комнаты, в углу которой сжался до смерти напуганный человек. Высокая фигура вступила в дом. Блестящий свет масляной лампы осветил немного отросшие светлые волосы и тёмные, отливающие зеленью, глаза, на дне которых плескалось возмездие и жестокость. Его собственный вестник смерти пришёл за ним. Как бы он ни прятался, тот всё равно настиг его. Теперь это не было видением, это был оживший кошмар: среди комнаты стоял человек, которого он боялся больше всего на свете, и от одного вида которого был способен оцепенеть, как добыча перед хищником. Это был он, и ярость, волнами исходящая от вошедшего, только подтверждала это. Он был здесь, он нашёл его, потому что ничто в целом мире не способно укрыться от Великого Наместника дома Морзано. Керлиндер Морзано, а это был именно он, явился перед ним, чтобы вершить то, что давно уже должно было настигнуть затаившегося беглеца.

- Адрии

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.